

БОРИС МАРТЫНОВ

ПРАВИЛО «ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ» И ДУХ МИРОВОГО ПОРЯДКА

В последнее время много говорят о модернизации, но в основном сквозь призму технологических инноваций, которые не связываются с необходимостью инноваций в области общественных наук – философии и права, социологии и культурологии, политологии и науки о международных отношениях. Однако существующие глобальные вызовы, которые имеют типологически новую по сравнению с предыдущими десятилетиями природу, не позволяют подходить с мерками вчерашнего дня к делам дня нынешнего. Новое качество глобальных реалий требует новых качественных изменений в их осмыслении. В данной статье речь пойдет о методах, которые могут помочь лучше разобраться в предельно сложной и мозаичной картине современности.

1

Западная политологическая мысль реагирует на складывающуюся ситуацию по-разному. Одни считают, что достаточно правильно настроить существующие институты глобального управления и укрепить роль «естественного» лидера (Соединенные Штаты Америки), чтобы обеспечить эффективное реагирование на умножающиеся глобальные риски. Другие видят выход в многополярности, полагая, что выдвижение новых лидеров само со-

бой решит многие мировые проблемы. В современных условиях оба эти подхода равнозначны подходу «все изменить, ничего не меняя».

Симптоматичным стало появление на Западе книг двух молодых авторов, которые отстаивают необходимость изменений в принципе. Их идеи могут показаться радикальными, но не является ли эта боязнь нового и необычного следствием «рутинного» образа мыслей, избавиться от которого и призывают нас Дж. Купер Рамо (США) и Х. Вельтцер (ФРГ)?¹

Представителям западноцентричного образа мыслей необходимо признать не только формальное равенство ведущих цивилизаций земли в грядущем многополярном (многоцивилизационном)* мире, но и равновеликость иных цивилизационно-детерминированных менталитетов западному, без чего разговоры о многополярном мире останутся лишь разговорами. «Крамола» упомянутых авторов сводится к призыву признать, наконец, эту равновеликость.

Ради уравнивания в правах культурно-исторических и философско-политических воззрений представителей разных цивилизаций и выработки альтернативной, многоцивилизационной картины мира профессор Дж. Купер Рамо, директор геостратегической консультативной компа-

* См. Мартынов Б.Ф. «Многополярный или многоцивилизационный мир?» // Международные процессы. 2009. №3. С. 60–67.

нии «Киссинджер Ассошиэйтс», призывает Запад переосмыслить столетиями складывавшиеся интеллектуальные стереотипы. Например, критически отнестись к идее Аристотеля о том, что понять явление можно, лишь разложив его на составные части. «Привычка всегда и везде возводить перегородки и стены может привести к тому, что кто-то, рано или поздно, устроит под них подкоп», — пишет профессор, очевидно, под впечатлением от крушения Берлинской стены².

Новые ведущие государства XXI века и новые, приспособляющиеся к сетевому характеру глобальных проблем, транснациональные структуры должны уметь, согласно Д. Рамо, не только выделять «главную проблему» и концентрироваться на ней, как это, например, хорошо научились делать западноевропейцы и американцы. Такой «эксклюзивной концентрации» сегодня недостаточно. Глобальные вызовы нужно рассматривать не как изолированный объект, а как многоуровневую систему. Это необходимо, чтобы увидеть, что терроризм это не только Бен Ладен, а «отравленный плод взаимодействия различных сил» (С. Хоффман), что преступность — не только следствие бедности, бедность — не только отсутствие демократии», наркотики — не только проблема их производства, загрязнение окружающей среды — не только выброс углекислоты...

Надо обращать внимание на фон картины, ее детали. Такое видение, между прочим свойственное представителям конфуцианского мира, — это, по мнению Дж. Рамо, «то, что надо». При анализе системного вызова такой взгляд дает возможность использовать разнообразие выявленных деталей («веер возможностей») в принятии решения о «фланговом ударе» и «обходном маневре», о появлении «там, откуда не ждали». При этом выпадает традиционный западный герой-одиночка — Одиссей или голливудский «Крепкий орешек», привыкший силой противостоять «мировому злу». Он попросту нелеп в зыбком мире, где «все связано со всем». Востребованным оказывается чисто вос-

точное качество: решать проблемы путем не прямых действий, где «лучшим генералом становится тот, кто не выиграл ни одного сражения» (Конфуций).

С американским исследователем соглашается профессор Х. Вельцер, директор Центра междисциплинарных культурологических исследований Института культурологии в Эссене (Германия). «В повседневной социальной реальности рациональное и логическое очень редко, почти никогда, не проявляют себя в чистом виде». Глобальный экономический кризис, по его мнению, показал «что модели развития, предлагаемые ОЭСР, не могут служить основой для становления новых социумов, так как происходящие в них процессы на практике принимают формы, отличные от тех, которые раньше казались незыблемыми»³. При этом оба автора, независимо друг от друга, рассматривают проблемы современного мира — от экологии до «этнических чисток», не как антитезу, а, скорее, как составную часть процесса модернизации по-американски. «Тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций в принципе верен», — отмечает Х. Вельцер. «Но этот автор имеет весьма ограниченный горизонт мышления в связи с тем, что оценивает поведение других, абстрагируясь от того влияния, которое оказывает на весь мир культура его собственной страны»⁴. Но «жизнеспособна ли культура, которая основана на расширенном потреблении невозобновляемых ресурсов в ущерб будущим поколениям и требует безоговорочной поддержки от других, одновременно полностью игнорируя интересы их выживания?» — спрашивает Х. Вельцер. И добавляет: «Ни одну глобальную проблему нельзя решить с помощью тех методов, которые привели к ее возникновению»⁵. Прогноз авторов пессимистичен: прогрессирующее истощение ресурсов земли (пресная вода) и связанные с этим климатические изменения вызовут невиданные волны миграций, которые неизбежно приведут к жесточайшим войнам.

Что предпринять? С тривиальностью предстоит покончить, авторитетов — низ-

вергнуть, негодные правила – переписать? Свидетелями подобных «революций» на протяжении истории мы бывали уже не раз. На основе каких критериев отбирать в других культурах то, что нас устраивает, скажем, в культуре ислама, и отбрасывать то, что не устраивает? «Что если нам, например, задаться целью сотрудничать с Китаем, сосредоточившись на выявлении общего, а не концентрировать 90% усилий на выявлении разногласий?», – спрашивает Дж. Купер Рамо⁶. Не плохо было бы, наверное, еще спросить сам Китай...

Сомнений по поводу выводов авторов можно высказать немало. Но главное, что в них заложено мощное рациональное зерно, если «кросс-культурное взаимодействие» и «диалог цивилизаций» – не пустые слова*.

Приметой времени стал не столько институциональный, сколько интеллектуально-аналитический дефицит в сфере глобальной безопасности. Людям не хватает «стереоскопичности» в подходах к противодействию международному терроризму, бедности, наркоторговле, организованной преступности, ядерному распространению, климатическим изменениям. «Никто из тех, с кем я говорил, так и не смог нарисовать мне общей картины, – с грустью констатировал один молодой английский автор, взявшийся написать книгу о климатических изменениях в Арктике. – Я обнаружил, что специалистов по Арктике, как таковой, нет, как нет и общих источников информации. Существуют ученые-специалисты, каждый из которых занимается какой-то одной микроскопической частью целого: от поведения китов до изучения течений. Есть политики, обеспокоенные правами своих стран на арктические границы, геологи, собира-

ющие сведения для определения этих границ, киты и тюлени, свободно проплывающие над этими границами. Юристы спорят о содержании ст. 234 Конвенции по морскому праву (“районы, покрытые льдом”), тогда как инженеры рассматривают лед только как препятствие, которое придется преодолевать ледоколам. Экологи считают, что любую добычу нефти в Арктике следует немедленно запретить, в то время как коренные народы Севера ждут, когда же часть накопленного мирового богатства доберется, наконец, и до их становищ. Для того чтобы сформировать какое-то общее представление, мне нужно было переговорить с более чем сотней различных экспертов, прослушать более ста выступлений на конференциях в разных частях света, прочитать гору статей и книг, в которых говорилось о том, что было известно еще сто лет назад⁷. Переизбыток несвязанной друг с другом информации», на который жалуется дотошный англичанин – это прямое следствие той самой западной манеры «всегда и везде возводить перегородки и стены», о которой повествует нам Дж. Купер Рамо.

«Философы по-разному объясняли мир. Наше дело – изменить его». Этот марксистский лозунг может служить прекрасной иллюстрацией сути западного политического прометеизма. Однако если раньше попытка воздействовать на объект в отсутствие комплексного представления о его природе носила авантюрный характер, то сейчас она может стать самоубийственной.

2

Новые подходы, *во-первых*, должны учитывать культурно-историческую специфику главных цивилизаций современ-

* В докладе «Группы высокого уровня» – органа, который был создан под патронажем ООН в 2005 г. в развитие идеи «Диалога цивилизаций», выдвинутой Испанией и Турцией, говорится о том, что «разнообразие цивилизаций и культур является основополагающим элементом человеческого общества и движущей силой прогресса человечества. Цивилизации и культуры представляют собой огромное богатство и наследие человечества, и в их природе заложена способность налаживать одна на другую, взаимодействовать и развиваться по отношению друг к другу. Среди культур нет иерархии, поскольку каждая вносит вклад в развитие человечества (http://www.unaoc.org/repository/HGL_report_RU.pdf).

ного мира. *Во-вторых*, предлагать на этой основе смелые практические решения, которые соответствовали бы глубине и многогранности стоящих перед человечеством проблем. Людям, ответственным за выработку таких решений, необходимо будет максимально расширить свой познавательный инструментарий. Помимо политики и экономики, очевидно, придется осваивать такие казавшиеся ранее «избыточными» материю, как религия, культура, национальные привычки, обычаи и традиции, этика ведения бизнеса.

К выработке новой методики следует привлекать и национальное изобразительное искусство как одно из наиболее мощных выразителей национального мироощущения и мировидения. В самом деле, усвоить зрительный образ для большинства людей, как правило, не представляет труда. Постараться же связать особую логику построения и способа подачи этого образа с окружающей нас реальностью — значит пройти, как минимум, половину пути к ее «цивилизационному» прочтению.

В упоминавшейся книге Дж. Купер Рамо приводит удачный пример диаметрально различного восприятия одной и той же картины группами американских и китайских студентов. Из этого он делает ряд выводов относительно того, насколько по-разному оба этих народа способны воспринимать окружающий мир. Однако пожалуй, первым из тех, кто попытался использовать художественные полотна для выявления национальных поведенческих стереотипов, был выдающийся кубинский мыслитель, поэт и борец за освобождение Кубы от испанского колониального гнета Хосе Марти. Он ни разу не был в России и, кажется, не общался с русскими людьми. Но вот что в присущей ему поэтической форме он написал после того, как в марте 1899 г. посетил в Нью-Йорке выставку картин В. Верещагина: «Русский — противоречив. Патриархаль-

ное дитя, характером он одинаково тверд и подвижен, простодушен и утончен. Он может любить и жестоко карать, снаружи — как крепость, внутри — как голубь.... Обедает — пирует, пьет — как бочка, танцует — устраивает бурю, лезет в горы — лавину, в наслаждениях теряет меру. Правит как сатрап, служит как собака, в любви и резок, и мягок... Это человек чувства и цвета, звериного рева и неслышного воркования. Он тяжело ступает, этот русский, в своем французском платье, которое ему как бородатому Геркулесу — детские ползунки. В белых лайковых перчатках садится он за стол, на котором дымится гигантская мясная кость....

...В России резче всего чувствуется раздвоенность современного человека, потому что варвары и завоеватели, произведшие на свет этого славянского Геркулеса, передали ему вместе с физической силой и силой характера..., и ту ужасную муку разлагаться под бременем чуждой цивилизации, не познавши своей собственной. Принц крови и простой мужик, князь и извозчик, во дворцах, где пьют шампанское, и в избах, где хлещут водку, в отчаянии роняют головы на грудь, в которой бьется их порабощенное сердце.... Но на этих полотнах, тяжелых и одиноких, вот она — Россия с ее болью, Россия с ее полями, замерзшими, как и ее надежды»^{8*}.

Живопись В. Верещагина помогла пронизательному кубинцу, задолго до К.-Г. Юнга, понять не только то, что русские относятся к «интуитивно-чувственному» психологическому типу людей, но и многое другое.

Интересно, что и сами русские, согласно данным статистических опросов, которые приводятся в монографии А. Сергеевой «Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность», склонны особо выделять такие свои качества, как «душевность», «приветливость», «щедрость», «смелость». Для них характерны «терпение», «гостеприимство», «дружелюбие»,

* Перевод с испанского автора.

«религиозность». Однако они признают, что «почти в равной степени активны и инертны, трудолюбивы и ленивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе, вспыльчивы и уравновешены. Вместе с тем русские согласны и в том, что им присущи отсутствие пунктуальности, недисциплинированность, пьянство, халатность и неаккуратность»⁹.

Как и кубинский мыслитель, впервые отметивший это более чем сто лет назад, большинство исследователей русского национального архетипа сегодня говорят о таком его качестве, как противоречивость¹⁰. У Хосе Марти, как мы видим, «противоречивость» и «раздвоенность» русских обязаны своим происхождением принятию ими в XVIII в. чуждых культурных и поведенческих стереотипов («Геркулес во французском платье»).

А. Сергеева справедливо полагает, что иностранцам свойствен культуроцентризм, «когда «правильной» считается только собственная культура, а все остальные кажутся странными, «нецивилизованными» или «недоразвитыми», что мешает им понять «странности» и «непоследовательности» в поведении россиян»¹¹. По-видимому, не столько собственно национальная культура во всем ее своеобразии (отметим в этой связи огромный интерес и уважение на западе к культуре Японии, Китая и Индии), сколько оторванная от национальной почвы, и поэтому заведомо плохая, имитация чужой культуры способна вызывать отторжение, непонимание, а зачастую даже презрение. Это утверждение справедливо как в отношении русских западников, так и в отношении всех других, сознательно предающихся греху изоморфизма (например, латиноамериканских). Никакое подражание, сколь бы изощренным оно не

было, до сих пор не возбуждало, а значит и никогда не возбудит уважения к России со стороны Запада*. *Отождествляя себя с Западом и принимая его ценности, Россия никогда не сможет играть в мире той роли, какой она заслуживает в качестве страны-цивилизации. Она не сможет предложить миру ничего нового.*

З

Если мы хотим расшифровать коды русского мировоззрения, не отягощенного изоморфизмом, следует обратиться к древнерусской станковой живописи. Ее корни, уходящие в искусство Византии, убеждают, что условия на старте великого культурно-исторического марафона были далеко не равны. В те годы Запад восхищался утонченными и одухотворенными артефактами опередившего его Востока, а не наоборот. «Искусство далекой огромной империи в течение всего средневековья было заманчивым и желанным, но не всегда достижимым образцом. О нем мечтал в Ахене Карл Великий, создавая свою империю. Ему стремились подражать императоры оттоновской Германии, но не смогли его понять»¹².

В русской иконе XIII – XVI веков не только сохранилась преемственность с культурой Византии, но и обозначилось все то яркое и новое, что внесла в нее собственно Русь. Поэтому, наверное, именно в иконе следует искать ответ на вопрос о характере русского народа, а значит – и о его истории. Подчеркнутая строгость, аскеза и даже суровость ликов XIII в. – свидетельство испытаний, которые принесло с собой ордынское иго. Но уже XV век – это теплота и душевность, столь чтимые в иконах «Богоматерь Умиление». «Ни французская готика, ни итальянское Возрождение не умели вложить в этот об-

* Хороший пример из российской истории. Как пишет в своей монографии, посвященной международному терроризму, английский историк М. Бурли, в начале XX в. «английские лейбористы и немецкие социал-демократы бездумно поддерживали террористов-убийц в царской России (по-видимому, считая ее недостаточно «цивилизованной» – Б.М.). В то же время, страх перед западным либеральным общественным мнением и нежелание прослыть «азиатской деспотией» мешали царскому правительству применять эффективные меры против террористов» (Burleigh M. Blood and Rage. F Cultural History of Terrorism) London, 2008. P. 57.

раз большей теплоты. Они создавали образы более человеческие, но не более задушевные»¹³, — писал выдающийся искусствовед В.Н. Лазарев. А XV век — это еще и Андрей Рублев с его жизнерадостностью, человечностью и даже каким-то задором («Звенигородский Спас»). Как же: освобождение от ига татаро-монголов! Дальше — строгость и гармония фресок Дионисия, узорочье ярославских мастеров и, наконец, пышность и кичливое роскошество московских изографов века XVII-го. Это уже «фрязь», это уже «от немчин». Москва выходит во внешний мир и становится державой...

Каким образом икона — «окно в минувшее» — может помочь нам сегодня в поиске ответов на волнующие нас мировые проблемы?

Как в японской и китайской живописи, древнерусские иконописцы также уделяли большое внимание фону и деталям иконы, только, может быть, делали это в более символической манере. Зато пространственно-временные связи, то, что иногда исключается нами из целостного алгоритма решения проблемы, представляли на ней в «чистом», несуществующем в повседневной реальности виде. В клеймах «житийных» икон перед нами проходила вся жизнь святого — от рождения до гроба. Иногда на иконе в одной композиции объединялись два одновременных эпизода, ранний и более поздний, при этом один и тот же персонаж мог быть изображен дважды, а то и трижды (!). Древнерусский мастер сводил в единой композиции различные эпизоды одной и той же истории, показывая, что происходило до главного события и что произойдет после него. При этом иконописец представлял себе пространство так же отвлеченно, как и время. Объединяя между собой длительные отрезки времени, он словно сжимал в один небольшой участок поверхности всю необъятную ширь земли. «Что при этом Иерусалим мог очутиться рядом с Царьградом или даже с Москвой, никого не смущало. Для средневековых художников, как и для их нео-

быкновенных героев, не существовало ни времени, ни расстояний»¹⁴.

«Но сегодня, в эпоху глобализации, время и расстояния действительно приобретают относительный характер!» — могли бы воскликнуть в ответ. И сегодня, судя по накалу проблемы ближневосточного урегулирования, Иерусалим оказывается «рядом» не только с Царьградом (Стамбулом) и Москвой, но и с Вашингтоном, Брюсселем, Мадридом, Пекином... Принцип увязки пространства и времени в русской иконе заставляет задуматься о целесообразности выработки такого же свободного от мелочной суеты пространственно-временного взгляда на глобальные риски и вызовы, какой был использован древними иконописцами для того, чтобы подчеркнуть связь небесного и земного начал, материи и духа. Связать пространство и время в политике — значит понять, что политические процессы в странах-континентах протекают заведомо медленнее, чем в странах малых и средних размеров (пример тому — Россия). В этом случае стараться ускорять и искусственно «подстегивать» происходящие в них эволюционным путем перемены, ведя дело к революциям и смутам — сродни преступлению. То же самое справедливо и в отношении целых цивилизаций (например, исламской) на обширных площадях нашей планеты. Силовое давление на них с целью «улучшить» или «исправить» по западным лекалам заведомо обречено на неудачу.

«Примерно с конца XIII — начала XIV веков, когда иконописец стал изображать своих персонажей не на гладком фоне, а в какой-то конкретной обстановке, он обращается к так называемой обратной перспективе и применяет ее с постоянством, приобретающим характер закона. Вычерчивая ее, художник тоже руководствуется определенными геометрическими правилами. Только точку схода линий он помещает не в глубине, а спереди, как бы в глазу зрителя. В результате изображенные предметы кажутся не сокращающимися, не суживающимися по мере удаления в

Рис. 1. Пример обратной перспективы.
Икона «Благовещение» XIV в.

глубину (как мы привыкли видеть в обычной живописи, да и в самой жизни), а расширяющимися. Иначе говоря, объемы и пространство в иконной композиции читаются как бы «задом наперед»¹⁵.

Специалисты по древнерусскому искусству утверждают, что это делалось для того, чтобы сохранить плоскостное решение композиции, поскольку именно оно в сочетании с общим ритмическим единством и согласованностью форм и красок* считалось одним из наиболее действенных способов передачи связи между персонажами. Правило обратной перспективы, отсутствовавшее в искусстве Византии, сохранялось в древнерусской иконописи вплоть до XVII века, то есть до начала активного проникновения в Москов-

ское царство западных художественных веяний, и справедливо может считаться исключительно русским изобретением. Может быть, именно поэтому историческое развитие нашей страны, как любят повторять некоторые острословы, происходит не «благодаря», а «вопреки»...

Применить правило «обратной перспективы» на поле сегодняшних системных рисков — значит вывернуть «наизнанку», рассмотреть «подкладку» и скрытые от посторонних глаз «швы» таких проблем, как, например, деятельность теневых международных финансовых структур. Затерянная где-то в далекой перспективе цель слишком часто вводила людей в искушение проигнорировать ее логос в пользу мифотворчества повседневности. Как тут не вспомнить коммунизм — «светлое будущее всего человечества», о котором ни один советский человек не знал фактически ничего, кроме того, что «при коммунизме будет все и не будет денег». Насколько оправданнее было бы запустить процесс «наоборот», попытавшись заранее, с дистанции «ближнего боя» рассмотреть хотя бы основные детали будущего общества! Тогда, глядишь, и до построения дело бы не дошло...

Большая часть проблем сегодняшнего дня — результат плохого представления людей о возможных последствиях их деяний. Вызов со стороны исламского фундаментализма и трансграничного терроризма справедливо связывается с политикой США в отношении Израиля и Саудовской Аравии, с поддержкой Вашингтоном афганских «моджахедов», воевавших против СССР**, и интервенциями в Ирак и Афганистан. Климатические изменения — с бесконтрольной деятельностью человека в природной среде. Рост незаконного оборота наркотиков — с рас-

* Ближе всех к «восточному» пониманию такого единства на Западе подошел, по-видимому, только знаменитый Эль Греко (Доменико Теотокопули, 1541–1606), по национальности грек. Удлиненные фигуры его персонажей, избранная им цветовая палитра и некоторые элементы плоскостного решения композиции обнаруживают очевидную связь с византийской традицией, продолженной затем в русской иконописи.

** По данным, приводимым М. Бурли, только в 1984г. США на помощь афганским «моджахедам» выделили 200 млн. долл. (Burleigh M. Blood and Rage. P. 370).

Рис. 2. П. Брейгель. Падение Икара

пространением в мире культа потребления и гедонизма, «философии» массовой культуры и установок типа «Бери от жизни все!» На подходе новые глобальные угрозы высокотехнологичного характера, связанные с использованием биотехнологий и геной инженерии, с включением в хозяйственный оборот доселе «ничейных» пространств космоса, мирового океана и полярных областей земли. Неужели и на этот раз «расхлебывать» последствия наших действий мы предоставим потомкам?

Наше время – это время не только новых вызовов, но и невиданных возможностей. С появлением киберпространства,* открываются перспективы как для переноса военно-силового противоборства в киберсферу**, так и для выхода человечества на принципиально иной уровень международной коммуникации и реше-

ния глобальных проблем. «Электронное правительство» – уже почти реальность! Нужно лишь заинтересованно подойти к задаче объективного выявления результата процесса решения проблемы. Даже при всех издержках, связанных с возможным дефицитом входящей информации, предлагаемые им решения будут, наверное, более адекватны, чем многие из тех, свидетелями которых нам доводилось быть за последние годы.

У знаменитого фламандского художника Питера Брейгеля-Старшего есть замечательная картина – «Падение Икара» (1555–1558). Она явно контрастирует с канонами западноевропейского искусства: приложив немалые усилия, вы обнаружите две маленькие ноги уже почти утонувшего Икара в правом нижнем углу картины. По замыслу это произведение сравнимо, скорее, с картинами китайских

* Вслед за пространством суши, воды, воздуха и космическим пространством.

** Соединенные Штаты, похоже, уже готовятся к войне за овладение киберпространством, создав в Пентагоне в мае 2010 г. новое – Кибернетическое – командование, которое возглавил 4-х звездный генерал.

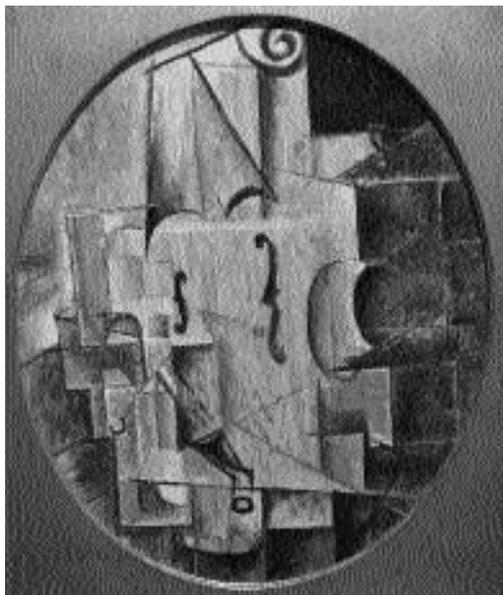

Рис. 3. Пабло Пикассо. Скрипка.

или японских мастеров, где главный персонаж занимает подчас непропорционально малое место по сравнению с фоном картины и ее деталями.

Брейгель, по мнению многих исследователей его творчества, трактовал зрителя «как людей слепых и глухих по отношению к тому значительному и важному, что происходит на их глазах — всецело погруженных в свои мирские дела. Может быть, этим путем художник хотел подчеркнуть идею от века существовавшего противоречия большого и вечного начала в мире преходящим и частным явлениям земной жизни?»¹⁶ Можно согласиться с этим выводом, добавив, что великий фламандец, равно как и его гениальный предшественник И. Босх, не слишком верили в «материальный прогресс» и «коллективный разум» людей, предвидя катастрофические последствия их деятельности на Земле («Безумная Грета», 1562). Благодаря этому их полотна не только очень современны. Они перекидывают «мостик» к русской иконописи XIII–XIV веков, обнажая единые корни западной и восточноевропейской философии, «высокого»

искусства Запада и духовности Востока. Отсюда же — другой мостик, к Дальнему Востоку, с его предпочтением общего частному, вечного и непреходящего — суетному и временному.

Э

Незадолго до Первой мировой войны П. Пикассо и Ж. Брак решили сформулировать философию «нового художественного языка» (возможно, как творческие натуры, они подспудно ощущали необходимость выработки нового политического языка?). Согласно основоположникам школы «кубизма», ничто не должно было больше рассматриваться, как простое и примитивное. Современность требовала раскрытия глубинного содержания объекта и его многочисленных граней (сравните с правилом обратной перспективы, которое «разворачивает» архитектурные образы на иконе в сторону зрителя и убирает стены, чтобы показать объект «в разрезе»!).

Кубисты утверждали, что традиционная передача изображения была лживой, поскольку показной «реализм» на самом деле скрывал гораздо больше, чем демонстрировал. Но, ведь, насквозь лживым было (и в значительной мере еще остается) словесное прикрытие политических акций! К сожалению, новые принципы изобразительного искусства не так просто было распространить на сферу политики, и в результате ирония истории проявила себя во всем «блеске»: Первую мировую войну во Франции называли «кубистической», потому, что тогда впервые начали применять камуфляж в виде ломаных линий...

Накануне революционной смуты в России кубизм был подхвачен группой русских художников-авангардистов. Параллельно с этим у других (К.С. Петров-Водкин) возродился интерес к иконописным сюжетам. Случайно ли? В конце концов, может быть весь знаменитый русский «Серебряный век» можно трактовать как отчаянную попытку духа взломать, наконец, ту самую перегородку, которая по произволу людей отделила его когда-то

материи, заставив их биться в тенетах меркантильных интересов?

Об этом следует сказать подробнее в связи с неизбежной проблемой инкорпорации культуры ислама в контуры грядущего миропорядка. Факт остается фактом: о «революционном» переустройстве этого миропорядка в пользу лишь одной из великих мировых цивилизаций говорят только представители исламской уммы (пусть и наиболее радикальные).

Точек соприкосновения с исламской культурой у «коллективного Запада» немного. Традиционных объектов воздействия на нее в виде признанной страны-лидера или наднационального духовного авторитета нет. Экономика – эта «священная корова» евроатлантического прометейзма – на Арабском Востоке, в условиях стигматизации банковского процента и философии меркантилизма, не может быть панацеей. Даже такое мощное средство коммуникации, как живопись, в западном понимании этого слова в исламском мире фактически не известно.

Очевидно, что в сфере контактов с Исламом Западу как нигде потребуются неординарные подходы и нестандартные решения. Продолжать реактивную политику, рассчитанную на автоматизм «экономических императивов», либо на то, что «умеренные силы» в Исламе в перспективе возьмут верх (при буме рождаемости и усилении молодежного радикализма?) – значит вновь «ввязываться в бой», не имея четкой программы и не представляя себе конечного результата. «Миру нужны люди, одержимые новизной и абсолютным желанием перемен, честные перед самими собой с учетом предстоящих интеллектуальных битв. Сегодня одна только мысль о том, что победа демократии и капитализма во всемирном масштабе – это панацея для решения всех мировых проблем, должна автоматически исключать любого из сферы международной аналитики», – считает Дж. Купер Рамо¹⁷.

Попробуем применить правило обратной перспективы и вывернуть процесс

проблемного сближения двух столь отличных друг от друга цивилизаций-культур «наизнанку», максимально приблизив к себе гипотетический результат. Вряд ли реально можно представить себе картину безоговорочного принятия исламским Востоком (а также Индией, Китаем и пр.) ценностей протестантского англосаксонского Запада, причем не столько их сердцевины: либеральной политико-экономической модели – сколько неизбежных прилагательных в виде культы безудержного потребительства и индивидуализма и основанной на нем массовой культуры с параферналиями религиозного и морального аутизма, сексуальной «раскрепощенности», преступности, наркомании, самоубийств. Пример шахского Ирана, довольно «успешно» осваивавшего эту модель до тех самых пор, пока там в грубой форме не возобладали иные цивилизационные реалии, думается, достаточно убедителен.

Для того чтобы прийти к какому-то «общему знаменателю» с исламским Востоком, Западу не только нужно перестать пытаться навязывать ему свои поведенческие стереотипы, но и самому необходимо начать поиск путей конструктивного сближения как с ним, так и с другими «восходящими цивилизациями» (конфуцианской, индуистской, православной, латиноамериканской). Считать этот путь капитуляцией Запада не приходится. Что как не устранение крайностей потребительства и индивидуализма (как показал недавний экономический кризис) может лучше всего помочь Прометею, прикованному к скале исторической неизбежности цепями все умножающихся глобальных проблем? Востоку же стоит подумать над тем, чтобы отказаться от того отжившего, что разделяет его духовные предпочтения и обоснованное стремление к материальному прогрессу. Надо учиться терпеливому выявлению и усилению тех общих начал, которые неизбежно присутствуют в контактах между людьми, живущими на одной планете.

Резюме

Автор полагает, что на данном этапе развития человечества происходит активное развитие не только технологий, но и гуманитарных наук. Возникает потребность в системном прогнозировании на обновленной интеллектуальной основе. В России, как и во всем мире, наблюдается голод в отношении новых стратегий, так необходимых для качественного обновления.

Ключевые слова: гуманитарные науки; прогресс; цивилизации; человечество; стратегия; обновление; идеология.

Abstract

The author points out the fact that there is a quick development of not only technological sphere but also of liberal arts. There is a need of rethinking of its terms and development. What is more, the world is looking for new strategies in a qualitative sense.

Keywords: liberal arts, progress, development, civilizations, humanity, strategies, ideology

Примечания

¹ *Cooper Ramo J.* A Era do Imprevisível. Lisboa, 2010 [The Age of the Unthinkable, 2009]. В 2010г. эта книга была признана бестселлером в ходе опроса, проведенного газетой «Нью Йорк Таймс»; *Welzer H.* Guerras climáticas. São Paulo, 2010 [Klimatkriege, 2010].

² *Cooper Ramo, J.* Op. cit. P. 153.

³ *Welzer, H.* Op. cit. P. 110.

⁴ *Ibidem.* P. 161.

⁵ *Ibidem.* P. 279.

⁶ *Cooper Ramo, J.* Op. cit. P. 44–45.

⁷ *Anderson A.* After the Ice. Life, Death and Politics in the New Arctic. London, 2009. P. 8.

⁸ *Martí, José.* Páginas Escogidas. Tomo II. La Habana, 1965. P. 253, 254, 258, 261, 267

⁹ *Sergeeva A.V.* Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность [Sergeeva A.V. Russkie.

Stereotipi povedenia, traditsii, mentalnost]. М., 2005. С. 256.

¹⁰ *Ibidem.* С. 140.

¹¹ *Ibidem.* С. 8.

¹² *Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV–XV веков [Lihacheva V.D. Iskusstvo Vizantii IV–XV vekov] Ленинград, 1981. С. 301.

¹³ *Лазарев В.Н.* Русская иконопись. От истоков до начала XVI века [Lazarev V.N. Russkaia ikonopis. Ot istokov do nachala XVI veka]. М., 1983. С. 24.

¹⁴ *Корнилович К.* Окно в минувшее [Kornilovich K. Okno v minuvshee]. Ленинград, 1963. С. 46, 52.

¹⁵ *Ibidem.* С. 54.

¹⁶ *Гершензон–Чегодаева Н.М.* Брейгель [Gershenzon–Chegodaeva N.M. Brejgel]. М., 1983. С. 163.

¹⁷ *Cooper Ramo, J.* Op. cit. P. 44–45.